

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070(47+57)19|

«ДНЕВНИК “ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ”» КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СЕРЕДИНЫ 1930-Х ГОДОВ

М. М. Соловьёва

Саратовский государственный университет
E-mail: markuz89@yandex.ru

В статье анализируются материалы рубрики «Дневник “Литературной газеты”» и исследуется их значение для становления издания как уверенного печатного органа и эксперта в области литературы и искусства.

Ключевые слова: «Литературная газета», 1930-е годы, СССР, редакционная политика.

**«The Diary of *Literaturnaya Gazeta*» as a Form of Reality Reflection
in the Middle of 1930s**

М. М. Solovyova

The article analyzes the material column «The Diary of *Literaturnaya Gazeta*» and investigates their importance for the development of the paper as a confident newspaper and an expert in the field of literature and art.

Key words: «*Literaturnaya gazeta*», 1930s, USSR, editorial policy.

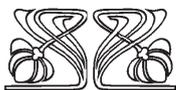
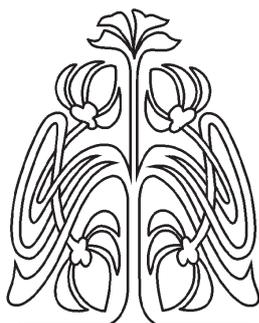
«Литературная газета», начавшая выходить в 1929 г., к 1934 г. стала широко известным печатным органом со своей позицией в области литературы и собственным местом в общественной жизни СССР. Исследователи пишут, что первые несколько лет стали для «ЛГ» временем поиска: «...в сложной литературной обстановке тех лет газета, естественно, не могла сразу найти свое лицо, выработать четкую линию»¹.

Время с 1932 до 1935 г. стало важным для становления «ЛГ» как одного из наиболее авторитетных литературно-художественных изданий. Именно в это время «издание буквально на глазах превращается в “Литературную газету”»². Редакторы С. С. Динамов и А. А. Болотников оказали большое влияние на развитие газеты, а время их руководства стало этапом формирования ее фундамента³.

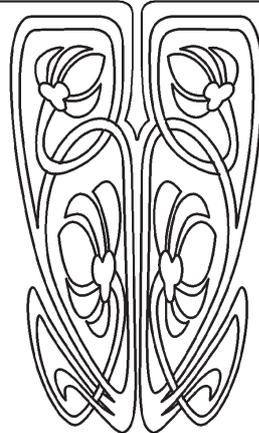
О своеобразном расцвете «Литературной газеты» в эти годы говорит ряд объективных факторов. В это время резко учащается периодичность: с «одного раза в пять дней» в 1929 г. до «через день» в 1934 г. Объем газеты увеличивается – с 4 полос в первые годы выхода до 6 страниц в 1935 г. Редакция газеты издает специальные номера к юбилейным датам и годовщинам (день рождения В. И. Ленина, убийство С. М. Кирова, годовщина со дня самоубийства В. В. Маяковского и др.), спецвыпуски и тематические полосы, посвященные важным и актуальным проблемам или событиям (развитие советского кинематографа, VII Всесоюзный съезд Советов, Первомай, литература народов СССР и др.). Верстка и дизайн газеты тоже совершенствуются – в эти годы увеличивается количество иллюстрацией, начинают использоваться не монохромные цвета (красный).

Важным проектом в процессе развития «ЛГ» как уверенного, самодостаточного печатного органа стала рубрика «Дневник “Литературной газеты”».

Жанр дневника отсылает нас к мемуарной литературе. В Литературной энциклопедии 1930-х гг. этот жанр определяется как наиболее примитивная форма мемуарной литературы: «... ежедневные или пе-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

риодические записи автора, излагающие события его личной жизни на фоне событий современной ему действительности»⁴. Авторы энциклопедии писали, что «общая перспектива событий здесь отсутствует, и повествование держится на молекулярной связи записей, объединенных единством излагающего их лица, системой его воззрений»⁵.

В словаре литературных терминов 1925 г. было указано, что дневником «называются записи, составленные данным лицом о событиях своей внешней и внутренней жизни. <...> Они ведутся в хронологическом порядке, по мере развития событий. <...> Подобные записи не ретроспективны: они современны соответствующим событиям»⁶.

Современные исследователи журналистских жанров в своих классификациях не выделяют дневник в отдельную структуру. Определение дневника как жанра отсутствует в классификации журналистских жанров А. А. Тertyчного⁷, а С. М. Гуревич лишь вскользь упоминает о дневнике как о форме подачи материалов, объединенных одной темой⁸.

Таким образом, становится понятно, что и сегодня, как и в 1930-е гг., исследователи литературы и журналистики склонны относить дневник к литературным жанрам, при этом ключевым понятием в определении остается личность его автора, сквозь призму взглядов которой подаются события и люди.

О конкретных авторах «Дневника “Литературной газеты”» мы можем только догадываться, поскольку рубрика выходила без авторских подписей. Однако её название совершенно однозначно говорит о том, что текст не передает точки зрения одного конкретного человека, а, напротив, отражает взгляды целого редакционного коллектива. В «Дневниках» неоднократно использовалось местоимение «мы» («мы считаем», «мы предлагаем», «нам известно» и т. д.), что позволяет предположить, что рубрика задумывалась как выражение мнения всей редакции «Литературной газеты».

В разговоре об употреблении категории «мы» нужно отметить, что выбор авторами «Дневника» данной части речи неслучаен и имеет куда более широкий, общефилософский контекст. Анализ использования «мы» в рассматриваемом нами историческом периоде неизбежно приводит к размышлениям о феномене обезличивания, свойственном массовому сознанию. В своих исследованиях, посвященных массам, современные ученые приходят к выводу, что «пребывание в массе требует отречения от собственного “я”. Это самое “я” растворяется в массовом “мы”»⁹.

Для советского сознания 1920–1930-х гг. категория «мы» стала ключевой в формировании тоталитарной политики. Отказ от персонального мнения во имя единственно перспективного и целесообразного общественного – это ставилось во главу угла при разработке идеологии и пропагандических норм. Е. Г. Елина в своей книге «Литературная критика и общественное сознание в Советской России 1920-х годов» в результате

размышлений о ломке общественного сознания приходит к выводу: «...лишь растворенность личности в коллективе могла принести нужный воспитательный результат»¹⁰.

В реальности 1930-х гг. употребление «мы», обращение не к личности, а к массовому безличному существу буквально витали в воздухе. Педальирование категории общего, превосходящего индивидуальное и личное, в итоге привело к образованию в Советском Союзе массового сознания, а местоимение «мы» стало обыденным и вошло в повседневную жизнь. Достаточно вспомнить лишь несколько лозунгов («Ленин с нами», «Заветам Ленина верны», «Мы превращаем пустыни в цветущий край», «Выполним план великих работ» и др.) и текстов песен («Мы наш новый мир построим», «Трудовые будни – праздники для нас», «Мы – пионеры Родины великой, заботой Партии всегда окружены, мы скажем все – горячее “Спасибо!” родному Сталину, вожатому страны!», «На вахте и ночью, и утром мы служим народу всегда» и др.), чтобы убедиться в господстве общего над индивидуальным в сознании и подсознании советского гражданина.

Логичным было бы вспомнить роман Е. Замятина «Мы», в котором уничтожение личного во имя общего достигает утопических масштабов, когда индивидуальная номинация сведена до математического наименования, когда люди становятся «нумерами», рассуждая, что «мы» от Бога, а «я» от дьявола», и оговариваются: «... думаю – точнее, что мы думаем (именно так: мы)»¹¹.

Таким образом, «Литературная газета», используя «мы» в качестве главного субъекта повествования своего «Дневника» подчеркивала, что является выразителем идей и категорий своего времени, голосом масс. Это «мы» вписывало «Дневник “Литературной газеты”» в большой социальный контекст, давая право его безымянным авторам не только приобщиться к магистральному движению советской жизни, к линии партии и ее вождю, но и жестко спрашивать с тех, кто сомневается, колеблется, выпадает из общего дела.

Следует заметить, что «Дневник “Литературной газеты”» не ограничивался текстами, напрямую связанными только с литературной жизнью. Рубрика живо реагировала на основные проекты и общественные события середины 1930-х гг. Большое внимание газета уделяла ключевым вопросам развития советского общества данного периода. Интересно, что критика, ранее направленная преимущественно на литературу, в «Дневнике» заметно расширила границы своей деятельности: под ее прицелом в середине 1930-х находились архитектура, киноиндустрия, строительство метрополитена. Об актуальности этих событий говорит огромная популярность у населения первых звуковых советских фильмов «Чапаев», «Путевка в жизнь», «Веселые ребята» и других, организация первого кинофестиваля – прообраза МКФ, план по перестройке Москвы, ажиотаж вокруг возве-

дения Дворца Советов, строительство небывалого по красоте Московского метрополитена.

«Литературная газета» с интересом писала о театре и изобразительном искусстве. В обсуждениях наглядной агитации, архитектуры, живописи, кинематографа редакция пользуется теми же принципами и методами, что и при анализе литературных произведений или событий писательской жизни. Редакция ощущала себя уверенным экспертом как в области литературы, так и за ее пределами. Авторы «ЛГ» критиковали режиссеров, архитекторов, художников за низкую активность и призывали ударными темпами работать над поставленными задачами. Особую значимость они придавали качественной наглядной агитации: «Создание литературного плаката является новым, интересным и важным начинанием Оргкомитета ССП СССР»¹². Авторы «Дневника» пишут об огромном недостатке в деревенских читальнях и библиотеках «красочного иллюстративного материала»: «Мы знаем о том, с какой тщательностью и любовью стараются колхозники украсить стены своей хаты цветной картинкой»¹³. «Литературная газета» объявляет создание культурного красочного литературного плаката «большим культурно-политическим делом» и призывает крупных художников «привлекаться к этому делу»¹⁴.

Архитектура тоже находится под пристальным вниманием «ЛГ», редакция пишет: «Гигантские задачи поставлены партией и рабочим классом перед архитектурным фронтом нашей страны. Ни одно поколение не стояло перед такими ослепительными перспективами строительного творчества»¹⁵. «Литературная газета» приветствует новый печатный орган – «Архитектурную газету», которая уже «открыла огонь по “архитектурному нигилизму”, примитивизму и обеднению форм <...> слепому рабскому копированию и подражанию мастерам прошлого»¹⁶. «ЛГ» понимала и в полной мере осознавала значение архитектуры для молодого советского государства, а потому «от имени отряда “инженеров человеческих душ”» горячо приветствовала новый печатный орган.

Важно отметить, что «Дневник “Литературной газеты”» не ставил своей целью кратко сообщать о случившихся событиях и перечислять их. Газетный формат «ЛГ» подразумевал частую периодичность, информативность и краткость изложения. Новости литературной жизни страны сообщались в рубриках: «Обзор печати», «Книжная витрина», «Что нового», «За рубежом», а также в форме кратких новостных заметок.

Основными же темами «Дневника» становились дискуссионные вопросы, касающиеся в первую очередь литературы: состояние критики, появление наиболее любопытных, по мнению редакции, книжных новинок, необходимость издания качественной учебной литературы по теории и истории литературы. Нередко темами для рубрики становились юбилеи классиков, к примеру, тысячелетие со дня рождения персид-

ского поэта Фирдоуси, подготовка к 100-летней годовщине со дня смерти А. С. Пушкина, 125-летие со дня рождения Н. И. Гоголя, годовщина со дня смерти В. В. Маяковского.

Периодичность рубрики не была постоянной. Иногда «Дневник» появлялся в каждом номере (февраль, март 1934, май 1935), иногда исчезал на несколько недель. Рубрика располагалась в подвале первой полосы, иногда выполняя роль передовицы (14 февраля 1934 г., 6 января, 2 февраля 1935 г. и др.).

Используя современную терминологию, в «Дневнике» публиковали тексты в жанре комментария, который позволял высветить злободневные проблемы и оценивать их. «Дневник “ЛГ”» по своему формату был ближе скорее к публицистическим, а не информационным жанрам, так как в нем сообщалось минимальное количество фактов, но при этом они тщательно анализировались, давалось большое количество аналитики. Превалирование комментариев над информацией объединяло «Литературную газету» с другой советской периодикой, которая основной целью ставила пропаганду партийной точки зрения, а не сообщение отделенных от мнений фактов. Эта тенденция превращала советскую печать в мощное орудие классовой борьбы и реализовывала завет Ленина о необходимости иметь газету – ведь «без нее невозможно систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации»¹⁷.

С появлением данной рубрики «Литературная газета» углубляла социальное звучание. Художественная литература, писатели, литературная действительность, хроника литературной жизни – все это так или иначе вписывалось авторами «Дневника» в контекст общественно-политический.

Так, первая публикация «Дневника» была посвящена постановке шекспировских пьес. Стоит отметить, что речь в этом материале идет не о проблематике пьес Шекспира, не о достоинствах и недостатках постановок, а о социальном аспекте этих постановок. Автор статьи был возмущен невниманием к произведениям английского драматурга со стороны обывателей и призывал к пропаганде шекспировского творчества: «Нужно сейчас же рекомендовать читателю прочтение тех пьес, которые читатель увидит на сцене, мобилизовать богатейшую критическую литературу об этих замечательных пьесах, <...> устраивать доклады, завоевывать горячее внимание, заинтересовывать, взволновать так, чтобы зритель с нетерпением ждал постановок, куда он придет со своими мыслями, со своими вопросами»¹⁸. Иными словами, Шекспир рассматривался автором статьи как важное звено общей пропаганды.

В рубрике подчас публикуются излишне эмоциональные отклики. Эта тенденция к экспрессии прослеживается, в частности, в «Дневнике» от 24 января 1934 г., где автор сокрушается по поводу отсутствия массового производства книг по

теории критики: «Критико-библиографический отдел ЛенГИХЛ получил было бумажные фонды, которых еле хватило на... две книги!!!»¹⁹.

Часто объединяется несколько тем. К примеру, в «Дневнике» от 24 января мы находим не только вышеупомянутые возмущения по поводу отсутствия массового выпуска критической литературы, но и рассуждения о пользе встреч начинающих и опытных писателей, небольшую хвалебную рецензию на роман Якова Ильина «Большой конвейер», посвященный истории Сталинградского тракторного завода, а также обзор третьей части нового выпуска альманаха «Год XVII», в которой были опубликованы стенограммы прошедших партийных чисток. Такое сочетание небольших текстов разной тематики (к примеру, работа литераторов в политотделах МТС и совхозах и анонс переиздания книги Ф. Гладкова «Энергия») – одна из характерных черт «Дневника».

Для того чтобы понять, в чем суть рубрики «Дневник “Литературной газеты”», обратимся к основным вопросам, рассматриваемым в ней, а также форме их отражения.

Одна из наиболее популярных тем, попадающих в поле зрения «Дневника», – издание новых книг. Большое значение редакция придавала произведениям, героями которых были колхозники, рабочие, труженики заводов. В особенности «ЛГ» следила за появлением новых книг в серии «История заводов», с энтузиазмом поощряла темпы, с которыми авторы принялись за работу. Положительно оценивалось и качество текстов: «Напечатанные в сборнике материалы <...> представляют собой отчетливо видимую ступень к освоению громадного задания, стоявшего перед редакцией»²⁰.

Безусловно, в «Дневнике» центральной становится литературная тематика. Большое количество выпусков рубрики посвящено критике новых изданий. Интересно, что свое основное внимание «ЛГ» фокусирует на книгах, написанных непрофессиональными авторами. В этом мы видим продолжение одной из основных тенденций литературной критики 1920-х гг.: привлечение в литературу ударников. Тогда «формировалась особая логика, согласно которой вчерашний токарь, кузнец, каменщик, став писателем, оказывался наравне с Ф. Гладковым, А. Фадеевым, А. Толстым, М. Горьким и даже И. Тургеневым, Л. Толстым, А. Чеховым»²¹. Как мы можем наблюдать, «Литературная газета» продолжает политику призыва ударников 1920-х гг. в писательскую среду, всячески поощряя их творчество. Автор «Дневника “Литературной газеты”» от 2 августа 1934 г. пишет: «Литература в нашей стране перестает быть делом для “немногих избранных”», подразумевая под этим, расширение круга писателей за счет воспитания новых, непрофессиональных кадров: «Все шире становится та среда, из которой выходят профессиональные писатели, все выше уровень этой среды, все меньше осталось возможностей для существования зарытых в землю талантов»²². При

этом вышеперечисленные рубрики, посвященные выходу новых книг, главным образом обращают свое внимание на новые произведения Ю. Олеси, А. Толстого, А. Барто и др.

Помимо серии «История заводов», основанной на текстах самих рабочих, «ЛГ» обращается и к самостоятельным изданиям. Так, в «Дневнике» за 14 февраля 1934 г. появляется сообщение о выходе «книжки начальника кузнечного цеха Сталинградского тракторного завода Шейнмана “Что я видел в Америке, что я сделал в СССР”»²³. В небольшой рецензии автор восхищается тем, как просто, кратко и конкретно написан текст: «Книжка эта существеннейшим образом отличается от очерковой литературы, которая до сих пор имела у нас. <...> Вместо обозревателства, вместо стремлений подать виденное в наиболее “доходчивой” до читателя форме путем нанизывания на вещи эпитетов и метафор, <...> автор участвует в том, что видит»²⁴. «ЛГ» буквально стыдит профессиональных писателей за их избыточное внимание к стилю и форме письма, ставя в пример опыт начальника кузнечного цеха: «Вещи, которые он изображает, он оценивает не с точки зрения литературного их интереса, а с точки зрения нужности их в деле, которым он занят. **И вещи эти оказываются интересными литературно** (выделение «ЛГ». – М. С.)»²⁵. В конце статьи «ЛГ» заключает, что «в истории Сталинградского тракторного завода книжка Шейнмана занимает по праву почетное место», и обещает, что в ближайших выпусках газеты появится «более подробная оценка этой работы»²⁶. Немного отходя от темы данного исследования, заметим, что о продолжении «ударничества» также говорит факт повышенного внимания к непрофессиональным писателям на Первом съезде советских писателей в 1934 г. (к пионерам-авторам книги «Банда курносых», героям книги «Разбег» Владимира Ставского, по собственной инициативе дописавшим последнюю главу этого произведения, и другим).

Еще одна особенность «Дневника» – сжатость текста. Анализируя событие или книгу, автор публикации тезисно сообщал свое мнение по вопросу или проблеме. Нередко в конце сообщалось о том, что более подробная информация будет опубликована в следующих номерах «ЛГ». Частое обещание в будущих номерах представить развернутую критическую статью или комментарий – тоже достаточно характерная черта рубрики. Такое обещание было в уже упомянутом «Дневнике» за 14 февраля, появлялось 26 марта 1934 г., 30 мая 1935 г. и др. Однако нам не удалось найти в материалах «ЛГ» подтверждений этих слов.

Заметно, что в текстах данной рубрики «Литературная газета» ставит себя выше остальной газетной и журнальной публицистики. Это особенно очевидно в «Дневниках», посвященных разбору деятельности журналов. Так, 28 февраля

1934 г. в поле зрения редакции попадает журнал «Наши достижения». Автор текста дает подробную оценку работе журнала за первые пять лет его существования. «Журнал не только суммировал наиболее все ценное, сделанное людьми нашей страны, но и рассказал им об этом в форме достаточно выразительной, точной и яркой»²⁷, в конце же небольшой статьи авторитетно признает: «Мы уже писали и будем еще писать об этом журнале. Пока же важно отметить одно: “Наши достижения” заслужили право на юбилей»²⁸. Признание права на юбилей другого издания может служить доказательством определенного самоощущения, которое было присуще «ЛГ» в то время.

В записи «Дневника» за 5 апреля 1935 г. мы находим критический анализ толстых литературно-художественных журналов. «ЛГ» продолжает рассуждения, начавшиеся «на последнем заседании союза советских писателей»²⁹ и посвященные определению «лица» журналов. Газета настаивает на четкой классификации, советуя редакциям определиться со своей читательской аудиторией: «Литературное хозяйство наших журналов за исключением лишь таких журналов, как “Колхозник”, “Знамя” и “Наши достижения”, до сих пор не упорядочено. В журналах много самотека, они не всегда интересны, не мобилизуют читателя вокруг определенных узловых тем. И главное – читатель не знает, чем один журнал отличается от другого, какой журнал предпочтительнее выписать одному кругу читателей и какой – другому»³⁰. В разговоре о самоутверждении статуса «ЛГ» как своего рода печатного эксперта в области литературы и журналистики стоит отметить, что в данном выпуске «Дневника» автор достаточно молодой газеты (в 1935 г. «ЛГ» 6 лет) критиковала работу опытной «Красной нови», которая в этом году отмечала 14-летие со дня основания.

Не уходя от внимания газеты и очередной (седьмой) том Литературной энциклопедии, вышедший из печати в феврале 1934 г. Он тоже подвергался критическому анализу. Авторы рубрики несколько скептически отнеслись к идее расширить объем издания с шести первоначально заявленных томов до десяти: «Не возражая по существу против полноты и развернутости издания, мы полагаем, что отсутствие единого принципа в построении и отборе материала для Литературной энциклопедии сильно затруднит пользование ею и, пожалуй, дезориентирует неквалифицированного читателя»³¹.

«Литературная газета» ставила под сомнение объективность публикуемой в энциклопедии информации: «Отличительным свойством вышедшего тома, как, впрочем, и всех остальных, является его небесспорность. Авторы оперируют не всегда установленными точно, не вызывающими сомнений, бесспорными предложениями. Читателю оставлена возможность колебаться, не верить, опровергать»³². Неоднозначность, спорность статей энциклопедии вызывала у «ЛГ» негативную реакцию: «Таково, по-видимому, мнение

автора статьи. Нужно ли говорить, что мнение это далеко не бесспорно?»³³. Впрочем, выход нового тома энциклопедии газета считала событием значимым и сообщала, что в ближайшее время появится развернутая статья с более подробным разбором ошибок. Такую статью в номерах за 1935 г. также найти не удалось.

Анализ проблем современной литературы, разбор новых произведений находит свое отражение в многочисленных литературно-критических статьях. В своих нападках «ЛГ» бывала несдержанна. Иногда, обвиняя своих коллег по цеху, авторы не стеснялись себя в формулировках. Так было в случае с разбором этюда Б. Агапова «Поднимем стаканы», напечатанного журналом «30 дней». Автор «Литературной газеты» был настроен решительно против оптимистичного отображения образа коммуны в произведении. Он выступает резко против изображения “славной коммуны” и отмечает, что «в своем панегирике Б. Агапов не побрезговал даже «общим одеялом» – излюбленным одеялом кулацкой, противоклхозной агитации»³⁴. В «Дневнике» «Литературная газета» не придавала много значения критике стиля, большее внимание уделяя вопросам верной идеологии. В подтверждение своей позиции по отношению к этюду Агапова автор «ЛГ» приводит цитаты из доклада Сталина на XVII партсъезде, в котором вождь выступает против коммун. Однако в итоге основную критику «ЛГ» направляет не на автора очерка – «вдумчивого и талантливого очеркиста Б. Агапова, плодотворно работающего уже много лет над производственной тематикой»³⁵, а на «безответственную» редакцию журнала «30 дней», которая «в 1934 году, после шести условий т. Сталина, после семнадцатого партийного съезда дает место на своих страницах апологетике уравниловки»³⁶.

Отсылки к выступлениям Сталина в «Дневнике» нередки. Уже в 1934 г. газета активно способствует созданию культа Сталина, называя его «лучшим другом советской литературы», и подчеркивает повышенное внимание к литературе со стороны властей. «Какое счастье работать в обстановке этого внимания! И какая это высокая ответственность»³⁷, – заключает газета.

Таким образом, в «ЛГ» уже начинает развиваться мысль о том, что ценность мнений критика, литературоведа и редакционного коллектива заметно снижается на фоне вышестоящей фигуры вождя, чьи слова и идеи – отныне главный ориентир для литературно-критической работы. Эта тенденция, однако, пока не получала такого широкого распространения, как это будет в конце 1930-х гг.

Пока же «ЛГ» продолжает одну из основных тенденций 1920-х гг., формируя образ советского читателя как главного героя литературного процесса. Как пишут современные ученые, тогда «читатель оказывался в ореоле почета и уважения, писатель, напротив, становился самым обыкновенным, заурядным человеком, истинные или вымышленные слабости которого моментально делались общественным достоянием»³⁸.

В многочисленных статьях редакция «Литературной газеты» призывает писателей и критиков к конъюнктурности, понятности, простоте творчества.

Стоит, однако, заметить, что большее распространение тема советского читателя получает не в «Дневнике», а в материалах других рубрик газеты: «Читатель зовет литкружковцев к станку», «Политотделы ждут писателей», «Литературно-массовое движение на местах» и пр. В середине 1930-х гг. литературной общественности становится понятно, что неподготовленный читатель, в силу своей необразованности и ограниченного кругозора, не может диктовать свои правила культурной жизни, но его мнение по-прежнему пользуется большим авторитетом. Примечательна в этой связи статья «Слово читателя», посвященная активному участию читателя в дискуссии о языке³⁹. В статье приводятся отрывки из писем рабочих и колхозников, полученных редакцией «ЛГ»: «...присланы десятки писем, и поток их не останавливается. <...> Каждый читатель отдает себе отчет в том, что он не писатель и не критик и, может быть, допускает большие ошибки, но...»⁴⁰. Читателю уделяется роль судьи, главного оценщика в последней инстанции: «...язык, слово художественного произведения, его доходчивость, понятность, яркость проверяются в конце концов читателем, ведь он решает судьбу той или иной книги»⁴¹.

Читатели и сами признают тот факт, что они вряд ли могут называться специалистами в области писательского мастерства. Например, т. Ежокин, рабкор Московского химзавода № 2, рассуждает: «Я, как читатель, может быть, плохо разбираюсь во всех тонкостях литературно-творческой работы писателя, но считаю, что у литературы так же, как у всякого дела на производстве, все должно строиться на точности»⁴².

В своих письмах читатели «ЛГ» смело обсуждают писателей, авторитетно заявляя свою позицию. Так, т. Ратников из колхоза «КИМ» деревни Чудово Чудовского района р-на Ленинградской области пишет: «Панферова трудно читать даже нам, в деревне, хотя он и пишет о деревне. <...> А вот когда читаешь "Бруски", удивительно, точно едешь по кочковатой дороге, <...> не видно ни зги – и трясет. <...> Панферов даровитый писатель, только ему все же надо считаться с читателем и не заставлять даром тратить внимание на излишний разбор его языка»⁴³. Еще одна важная деталь, на которую стоит обратить внимание в разговоре о читателе: «ЛГ» не просто публикует мнение т. Ратникова, а предваряет ее ремаркой: «Какую же позицию занял в споре читатель? Он целиком поддерживает А. М. Горького»⁴⁴. Еще один пример: начинающий писатель Н. Астахов, задумав написать роман о новой деревне, по мнению автора материала, наделал много ошибок, но «выступление А. М. заставило его пересмотреть свои установки и изменить подход к организации словестного материала»⁴⁵. Эти цитаты служат не

только для поддержания культа Горького, активно поддерживаемого «Литературной газетой» в середине 1930-х гг., но и определяют истинно авторитетного эксперта в сфере литературы того времени – главного советского писателя М. Горького.

В одном из «Дневников» темой рубрики стала сама «Литературная газета». 20 мая 1935 г. редакция возвращается к обсуждению работы «Литературной газеты» в бюро секции критиков ССП. Газета рассуждает о недостатках в своей работе и уверенно заявляет о том, что «улучшение качества литературного органа ССП есть дело всех советских литераторов, и наших критиков в первую очередь»⁴⁶, и призывает писателей к сотрудничеству, к искоренению недостатков газеты: «Нужно навсегда отрешиться от вредного мнения, что это частное дело редакторов. <...> и критикуемые ошибки надо исправлять совместными усилиями литераторов, чтобы не ронять достоинства и авторитета писательской газеты»⁴⁷. Мы видим, что газета акцентирует внимание на собственной важности, подчеркивая свою роль в литературном процессе.

Ряд «Дневников» конца 1935 г. посвящен школьному образованию и методике преподавания в советской школе. «Дневник» часто отсылает к постановлениям Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП (б), все реже редакция сообщала свое собственное мнение и давала себе право на свободные размышления и независимую оценку. Внимание к литературе о педагогическом образовании выражалось через анализ «литературного воспитания и общей грамотности»⁴⁸. К примеру, автор одной из подобных публикаций пишет: «Здесь мы имеем тревожные сигналы», – однако дальше ссылается не на собственные наблюдения или письма читателей, а на статью другого издания – газеты «Правда» – главного партийного органа, в которой сообщалось, что поступающие в Московский областной педагогический институт «в своем большинстве грамматику знают плохо»⁴⁹.

Публикации такого рода свидетельствуют сразу о двух важных тенденциях в развитии газеты. Во-первых, редакция по-прежнему ощущает себя достаточно компетентной не только в литературной жизни, но и других общественных сферах. Во-вторых, увеличивающееся количество публикаций общей тематики, не концентрирующихся на конкретных авторах и произведениях, все больше удаляло «ЛГ» от литературной критики и обсуждений событий писательской жизни.

Рубрика «Дневник "Литературной газеты"» просуществовала до середины 1935 г. Ее издание прекратилось после очередной смены руководства. Ответственный редактор А. А. Болотников перешел на работу в альманах «Творчество народов СССР»⁵⁰, а его место занял сначала исполняющий обязанности редактора Н. Г. Плиско, а затем на должности был утвержден Л. М. Субоцкий. После этих преобразований газета сильно поме-

нялась: стала менее красочной, разнообразной и с каждым месяцем становилась все более политизированной.

Рубрика «Дневник «Литературной газеты»» сыграла важную роль в жизни издания. В ней редакция выступала главным экспертом во многих сферах общественной жизни и искусства. Редакция решала, какие события и явления могли быть темой рубрики, она же одобряла или же критиковала те или иные тенденции. Интересно, что при анализе материалов «Дневник» отражал позицию своей редакции в отличие от других дискуссионных критических материалов «Литературной газеты», в которых в качестве авторитетного эксперта выступал, прежде всего, автор статьи: критик, литературовед или писатель.

Для самой «Литературной газеты» рубрика «Дневник» выполняла важную функцию: с ее помощью редакция заявляла о своей уверенной позиции, своей компетенции в вопросах литературы, а значит, и об определенной власти в общественно-литературной жизни страны. Благодаря «Дневнику» «ЛГ» становилась не только хроникером общественно-литературной жизни СССР, но и критиком, авторитетным экспертом в этой области. Проанализировав материалы рубрики, мы можем сделать вывод, о том, что «Литературная газета» выводила себя на роль вождя литературного процесса.

В 1935 г. руководство газетой менялось с еще большей частотой. Всего (с 1935 по 1937 г.) – пять раз. Редакторами в это время были Л. М. Субоцкий, В. П. Ставский, Е. П. Петров, В. И. Лебедев-Кумач, Н. Ф. Погодин. Сама же газета в 1936 г., как и литературная критика вообще, входит в сложный период своего существования, который современные ученые называют партийной литературной критикой⁵¹. Острые полемические статьи и обзоры уступают место докладам и речам, партийным резолюциям и постановлениям⁵².

Примечания

- 1 Очерки истории русской советской журналистики (1933–1945) / под ред. А. Г. Дементьев. М., 1968. С. 256.
- 2 Три века «Литературной газеты». М., 2011. С. 60.
- 3 Там же. С. 50.
- 4 Мемуарная литература // Литературная энциклопедия : в 11 т. / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. М., 1934. Т. 7. Стб. 131–132.
- 5 Там же.
- 6 Литературная энциклопедия : Словарь литературных терминов : в 2 т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. М. ; Л., 1925. Т. 1. Стб. 210.
- 7 См.: *Тертычный А.* Жанры периодической печати. М., 2000.

- 8 См.: *Гуревич С.* Газета : вчера, сегодня, завтра. М., 2004. С. 288.
- 9 *Ольшанский Д.* Психология масс. СПб., 2001. С. 43.
- 10 *Елина Е.* Литературная критика и общественного сознания в Советской России 1920-х годов. Саратов, 1994. С. 22.
- 11 *Замятин Е.* Избранное. М., 1989. С. 308.
- 12 Дневник «Литературной газеты» // Лит. газ. 1934. 26 февр.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Там же. 1935. 10 янв.
- 16 Там же.
- 17 *Ленин В.* Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1967. Т. 5. С. 9.
- 18 Дневник «Литературной газеты» // Лит. газ. 1934. 20 янв.
- 19 Там же. 24 янв.
- 20 Там же. 2 февр.
- 21 *Елина Е.* Указ. соч. С. 45.
- 22 Дневник «Литературной газеты» // Лит. газ. 1934. 2 авг.
- 23 Там же. 14 февр.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Там же. 28 февр.
- 28 Там же.
- 29 Там же. 1935. 5 апр.
- 30 Там же.
- 31 Там же. 1934. 24 февр.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Там же. 24 марта.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 *Елина Е.* Указ. соч. С. 49.
- 39 См.: Слово читателя // Лит. газ. 1934. 26 марта.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 Дневник «Литературной газеты» // Лит. газ. 1934. 20 мая.
- 47 Там же.
- 48 Там же. 1935. 9 сент.
- 49 Там же.
- 50 См. об этом: Три века «Литературной газеты». С. 68.
- 51 См.: История русской литературной критики : учебник для вузов / под ред. В. В. Прозорова. М., 2002. С. 302.
- 52 Там же.